

Серия
NON-FICTION
медали-премии им. Ивана Грозного

Серия
NON-FICTION
медали-премии им. Ивана Грозного

Максим Савельев

ЭПОХА ВЕЧНОГО ЛЕТА

Рассказы

Москва
Интернациональный Союз писателей
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С12

Савельев, Максим

С12 Эпоха вечного лета : рассказы / М. Савельев. – Москва : Интернациональный Союз писателей, 2021. – 184 с. (NON-fiction премии-медали им. Ивана Грозного).

ISBN 978-5-907395-23-7

В этом сборнике отображается широкий спектр эмоций. Почти биографически правдивые истории заставляют смеяться и плакать, удивляться и недоумевать.

Автор так живо передаёт все диалоги и эпизоды, что можно ощутить даже запахи и звуки описываемых мест и событий. Милые, трогательные, но порой и хитрые персонажи настолько живые и по-детски наивные, что вызывают симпатию и сопереживание.

Искромётный юмор, доброта, ностальгия – самые точные и яркие впечатления, которые оставляет эта светлая книга.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-23-7 © Максим Савельев, 2021
© Интернациональный Союз писателей, 2021

ЧТО-ТО ВРОДЕ ПРОЛОГА

Моя бабушка в своё время была очень интересной *мадамой*. В мои два с половиной года ей уже исполнилось сорок с небольшим. Как говорится, красавицей не назовёшь, но была чертовски мила. Слегка вздёрнутый носик, конкретная, отрывистая манера говорить и двигаться. Вся такая ухоженная и подтянутая. Чёрные, в узел затянутые волосы, попа словно орешек, глазищи с огнём, немного пухловатые губки, «цокающая», уверенная, но не лишенная женской притягательности походка делали её объектом восхищения многих знающих в этом толк. Но семейное и социальное положение не позволяли ей отвлекаться на различные «нехорошие излишества». В то время мальчиком я был любознательным, развитым и уже умел говорить и читать, наверное, как большинство детей того периода. Бабушка помещала меня в коричневые растянутые колготки, трясла на весу, подтягивая их мне почти до подмышек, сверху надевала зелёные шорты, какую-нибудь маечку, чмокала меня в нос и, слегка шлёпнув по заднице, шла со мной гулять.

Во дворе стоял чуть перекошенный деревянный столик, за которым сидели дяденьки и, ударяя по нему ладошками, что-то громко выкрикивали и смеялись. Мы шли мимо, и мужички, завидя нас, приподнимались со скамеечки, прикладывали руки к своим кепочкам и здоровались с бабушкой. Бабушка достаивала быстрым кивком учтивых джентльменов, а те в свою очередь улыбались, протягивая мне какие-то пожухлые яблочки и конфетки. Взять что-либо мне редко удавалось, так как бабушка одергивала меня за руку, и мы шли дальше.

- Что это за дяди? – спрашивал я.
- Дураки, – отрывисто отвечала бабушка.
- Почему они дураки?!

– Алкаши потому что! – слышал я в ответ... И тогда мне думалось: «Ууу... ну надо же, это АЛКАШИ!». Всю пагубность этого «титула» знать тогда я не мог, но мне было безумно непонятно: почему же они дураки?! Такие добрые! Смеются, конфеты дают. Как так?! Вот это и был один из парадоксов моего далёкого детства... Имелись и другие.

Телосложение у детей не симметрично... Большая голова, тоненькие ножки, пузо и попа, которые могут вдруг вырасти, а могут не вырасти вообще, то и дело возникающие ниоткуда прыщи, бородавки на лице, различные коклюши, ветряные оспы особого чувства радости детскому мирозерцанию не прибавляют. И ребёнок, подходя порой к зеркалу, в недоумении пожимает плечами. А ведь детской голове и в самом деле есть отчего опухнуть. Все эти жаргонизмы, пословицы, поговорки, притчи, народные мудрости, странные песни, некая непереводаемая игра слов и фраз, наверное, являются причиной детской «башковидной» несимметричности. Как удомительно и странно совсем недавно появившемуся на свет человеку от взрослых, внушающих авторитет родных людей постоянно слышать нелепые и непонятные речи... такие как: «валить дурака», «сесть в калошу», «опростоволоситься», «считать ворон» (когда их нет), «тянуть (какого-то) кота за яйца» и прочее... Всё это не только вызывает безусловный интерес у ребёнка, но и удручает одновременно и неимоверно! Мне, к примеру, долгое время было непонятно, что такое «алыхроссы». Почему их миллион? И как кто-то их видит из окна? (Песня «Миллион алых роз».) Я очень почему-то тогда их боялся. Или же слова из песни Антонова: «Летящей походкой ты вышла из мая и скрылась из глаз в пелене ян-

варя»... Это теперь мне понятна высокая поэзия, а тогда... Мало того, слова песни казались странными. Мне слышалось не «в пелене января», а «пеленя твоя». И я думал, и терзался вопросом: что же это за такая *пеленя*, и где она вообще находится? И как она скрыться из глаз посмела?

Много таких примеров, и, конечно, не только у меня одного. Все наверняка помнят что-то подобное. Но это сейчас забавно вспоминать, а тогда?! Это же был тихий ужас, на грани не менее тихого помешательства! А как я рыдал в подушку, когда моя бабушка, беседуя с кем-то по телефону, вдруг сказала: «Ах, как жаль, астраханский арбуз разбился!». Подойдя к ней, я попытался уточнить детали трагедии, но, вопросительно на меня взглянув, бабушка ответила: «Ты чего? Разбился, да и всё тут!» А ведь после просмотра кинокартины про героев-лётчиков «В бой идут одни старики» мой дед подробно объяснил, кто такой ас. И тогда, лёжа в кровати, я оплакивал этого героя... Как же так, думалось мне, такой парень, ас по имени (или прозвищу, вероятно, для устрашения врагов) Траханский арбуз взял и разбился. Горько было мне, маленькому мальчику, и жалко до слёз этого «траханского» героя-арбуза!

Да... я был сентиментален и любопытен. В свои два с половиной года я почему-то уже умел читать. И читал всё что ни попадя! Всё, что кем-то и где-то было написано... Я читал надписи на заборах, сказки Андерсена, различные руководства по эксплуатации всякой бытовой техники, состав творога и кефира. И это моё умение (всех умиляющее) в итоге превратилось в манию... У деда была неплохая библиотека, и к девяти годам я прочёл всё, что было возможно. Опустим классиков. Но эти советские повести, типа «О суровом друге», «Заводские будни», «Справедливость профработника», до сих пор, наверное, имеют влияние на содержание моего лексикона и моменты политической избирательности...

Одним из моих любимых «чтив» являлась БМЭ (Большая медицинская энциклопедия). Бабушка была медработником, и эта книжка всегда находилась в открытом для меня доступе. Моя мама тогда училась в университете, и я как сейчас помню её голос: «Мама! Отбери у него эти энциклопедии!». Он там опять всякие заражённые письки рассматривает!». И бабушка с восклицанием: «А н-н-ну-ка!» забирала и ставила книжку высоко на полку. Но рассматривал я не только письки. Я ведь был человеком читающим! И я изучал болезни, синдромы, вскрытия, принятие родов и прочее... Однажды, придя из детского сада, я сообщил бабушке, что у одного мальчика сифилís...

– Не сифилís, а сýфилис, – поправила меня бабушка, проглаживая утюгом бельё. – Какой сифилис?! – встрепенулась вдруг она. – Ты что?!

– А что? – парировал я. – На губе же выскакивает болячка, когда сифилís у человека?

– Не сифилís, а сýфилис! Ты чего?! Какой сифилис?

На следующий день бабушка сопровождала меня в детский сад. Конечно, у мальчика была обычная простуда... Герпес. И сифилитичных синдромов у него не наблюдалось. С тех пор бабушка надёжнее прятала БМЭ, и это было обидно.

Как я уже ранее упоминал, бабушка моя была женщиной очень ухоженной, чистоплотной, и принципиальные взгляды её на этих критериях в основном и зиждились. Что же вы хотите – медицинский работник с огромным стажем!

Мне часто приходилось слышать от неё: «Не смей с земли ничего поднимать! Харчки сопливые высыхают, и инфекция различная разносится!» И правда... Само словосочетание «сопливые харчки» вызывало ужас и омерзение в моём детском рассудке, да и на вид, честно признаться, эти безобразия не пробуждали во мне особого эстетического удовольствия,

скорее наоборот – вызывали стойкое отвращение... На харчки я не наступал и всячески их обходил, пока они (не приведи Господь!) ненароком не высохли. Дедушка мой тоже порой говаривал, что, дескать, ежели я прилично вести себя не буду и учиться на пятёрки не соизволю, то не миновать мне участи харчки эти подметать и всячески утилизировать.

В один прекрасный день бабушка, позвав меня к обеду, вручив ложку, вдруг сказала: «Давай, бери хлеб и ешь быстро суп харчо». Можете представить, как у трехлетнего мальчика всё словно оборвалось внутри! И, бросив ложку, с глазами, полными слёз, с трясущимися губами я вымолвил:

– Сама ешь своё харчо! – И после всего этого трёхдневный пост вдруг появился в моей (в то время) праведной жизни.

Цокая по тротуару каблучками, плывёт подтянутая, симпатичная женщина – моя бабушка. Рядом иду я.

Мне уже почти четыре года (можно сказать, мужчина). В одной руке у меня воздушный шарик, в другой мороженка – эскимо, которое я с благоговением «наслушиваю». Кусать нельзя! Таков бабушкин наказ. Сегодня выходной, и мы, видите ли, гуляем.

Сентябрьское ласковое солнышко, синее глубокое небо, нежный ветерок, ласкающий уже разноцветную листву, аромат яблок, пряностей, шарик и мороженка наполняют счастье мою детскую душу и отражаются в блаженствующей улыбке моей физиономии. Мы идём мимо базара, и обилие красок, звуков, запахов умиляет и восторгает меня. Мы ненадолго зашли на базар, купить бабушке какую-то ткань и нитки.

– Теперь домой? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает бабушка. – Только зайдём на минутку к сапожнику.

Я останавливаюсь на месте как вкопанный и, глядя на бабушку из-под бровей, уверенно отвечаю:

– Нет... К сапожнику не пойдём.

– Ты чего? – удивляется бабушка и хочет взять меня за руку.

– Не-е-ет! – кричу я, выпуская шарик и роняя на асфальт мороженку.

– Почему? Да что с тобой? Давай руку!

– Не-е-е-е-ет! – ору я на весь базар, усаживаюсь на задницу и пытаюсь руками удержаться за землю.

– Да что это за фортели такие?! А ну-ка! – строго говорит бабушка, стараясь меня поднять.

– Не-е-е-ет! – воплю я, и плечи мои содрогаются от рыданий. – Боже! За что мне всё это?! – кричу я, размазывая по щекам горькие слёзы.

К нам подходит милиционер, учтиво осведомляясь о причине истерики. Бабушка не менее учтиво объясняет, кто она и что происходит. Вот упёрся, понимаете, не хочет к сапожнику идти.

– Не-е-е-ет! Не-е-ет! – ору я. – Дяденька! Спасите! Помогите! Она хочет отдать меня сапожнику!

В лёгком недоумении милиционер советует нам покинуть базарную площадь и уже сам, взяв меня за руку, сопровождает нас. Ещё долгое время я с недоверием взираю нажимающую плечами бабушку и озираюсь по сторонам. Но на следующий день всё забывается, и жизнь моя налаживается.

Что же явилось причиной этого, на первый взгляд странного происшествия, спросите вы? А всё очень даже просто... Причиной тому была элементарная сила слова! Ведь мы порой даже не задумываемся, произнося различные слова и выражения. Так вот и бабушка, погружённая в будничную и житейскую суету, не замечала, как детский мозг, словно губка, впитывал такие фразы, как, например: «грязный, как сапожник», «ругаешься, как сапожник», «воняет, как от сапо-